

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРАВО И ПРОБЛЕМА "НАДНАЦИОНАЛЬНОГО" РЕГУЛИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Ольга Толочко

Правовое воздействие на общественные отношения внешнеэкономического характера осуществляется как на уровне внутригосударственного (национального) права, так и посредством международно-правовых ("наднациональных") регуляторов. Однако распределение ролей национального и международного права, их соотношение, взаимодействие и взаимозависимость по сегодняшний день продолжают оставаться в правовой науке предметом острых дискуссий.

Проблемам правового регулирования в названной сфере посвящен цикл исследований по международному экономическому праву, под которым принято понимать формирующуюся отрасль международного права, призванную регулировать отношения между государствами и другими субъектами международного права в области международных экономических отношений [1; 2; 3].

С тех пор как сама идея международного экономического права заняла прочное место в юридической науке, единый подход к определению его предмета и отраслевой принадлежности так и не сформировался. Согласно традиционной советской доктрине [1; 3], а также позициям ряда западных ученых [4, 375] международное экономическое право есть отрасль международного публичного права, а ее предметом являются экономические отношения субъектов международного права.

Существует и иной взгляд на природу международного экономического права. В 1928 г. видный советский правовед В. М. Корецкий выдвинул концепцию международного хозяйственного права как комплексной правовой дисциплины, включающей международно-правовое и гражданско-правовое регулирование [5]. Однако в советской правовой науке концепция комплексной природы международного хозяйственного права (в дальнейшем оно называлось международным экономическим) поддержки не нашла. В западной же литературе отказ от традиционного разграничения международно-правового и гражданско-правового регулирования экономических отношений фактически возобладал [6].

Как справедливо указывает М. П. Бардина, независимо от обоснования предложений о создании такого всеобъемлющего, конгломеративного международного экономического права, последствия такого подхода неоднозначны. Они состоят в смешении различных систем права — международного и национального, объединении разнородных субъектов и имеющих разную правовую природу норм, что ведет к нарушению полноты суверенной власти государства в регулировании отношений между субъектами национального права и в определении правового режима деятельности иностранных физических и юридических лиц на своей территории [7, 140—141].

Нетрудно заметить, что суждения о комплексных международно-правовых образованиях (впрочем, это справедливо и для тезисов о внутренних комплексных

отраслях) основываются, как правило, на факте очевидной взаимозависимости регулирующих норм и невозможности их функционирования в отрыве друг от друга. Показательным в этой связи является высказывание Ф. Ловенфельда о том, что в международном праве, а возможно, и в праве вообще, различий между частной и публичной стороной в действительности не существует, поскольку "невозможно консультировать или защищать частных лиц без понимания правомочий и ограничений правительства, как невозможно консультировать правительство без понимания того, каким образом действуют частные фирмы и их объединения" [6].

На мой взгляд, большинство сторонников комплексных (межотраслевых, внеотраслевых, "полисистемных" и др.) образований в праве строят аргументацию на методологически ошибочной посылке о возможности и целесообразности автономного функционирования правовых подразделений по принципу: отдельная сфера человеческой деятельности — отдельное правовое образование (комплексная отрасль). На этом тезисе "вырос" целый ряд "новообразований" как в науке международного права (международное транспортное право, международное торговое право, международное инвестиционное право, международное банковское право и т. п.), так и во "внутренних" юридических науках (предпринимательское право, коммерческое право, образовательное право, медицинское право и др.).

Вместе с тем "только вся совокупность отраслей права является самодостаточной в регулировании системы имеющих правовую природу общественных отношений... Если под правовым регулированием общественных отношений понимать не простое их закрепление, и тем более — отражение и фиксирование в нормах права, а реальное воздействие на поведение участников общественных отношений, включающее все элементы механизма правового регулирования, то следует согласиться с тем, что ни одна отрасль права без системной поддержки со стороны других отраслей права не в состоянии в полном объеме выполнить свои задачи по правовому регулированию входящих в ее предмет правового регулирования общественных отношений" [8]. Именно недооценка системного фактора в правовом регулировании, как представляется, заставляет авторов конструировать новые подразделения в праве в надежде, что им удастся собрать воедино *все* нормы, регулирующие заданную сферу отношений. А в итоге сконструированный путем привлечения разноотраслевых норм комплекс неизменно остается, во-первых, аморфным (не имеющим внутренней логики и структуры) и, во-вторых, безразмерным, потому что сколько бы норм ни "привлекалось" в данный комплекс, они все равно недостаточны для урегулирования всех или даже большинства вопросов, возникающих в заданной сфере.

Толочко Ольга Николаевна — кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой международного права Гродненского государственного университета им. Я. Купалы

Поскольку внешнеэкономические отношения, в отличие от *международных экономических*, "привязываются" к конкретной (здесь — белорусской) национальной правовой системе, международно-правовое регулирование указанных отношений, как представляется, можно рассматривать в трех ракурсах.

Во-первых, необходимо определить характер и пределы "наднационального" воздействия на внешнеэкономические отношения как объективной правовой реальности, формируемой современным международным сообществом и учитываемой национальным государством вне зависимости от позитивного или негативного отношения к характеру и содержанию нормативных предписаний. Безусловно, теоретически, "в идеале" национальное государство, как составная часть международной системы, участвует в формировании универсального международного права наравне с иными субъектами. Однако реальные возможности любого *отдельно взятого* национального государства в *отдельный исторический период* в названной сфере настолько ограничены, что для целей настоящего исследования ими, как говорят математики, можно пренебречь.

Во-вторых, международно-правовое регулирование внешнеэкономических отношений в Республике Беларусь следует рассматривать с позиций международных договоров, заключенных непосредственно Республикой Беларусь, введенных в надлежащем порядке в систему национального права и продолжающих функционировать в названной системе постольку, поскольку это допускается и поддерживается национальной властью. Такое регулирование является *международным* в той мере, в какой строится на "согласовании воли" государств, и само является предметом международного права.

В то же время заключение и исполнение международных договоров является исключительной прерогативой государства и в силу этого входит в сферу национального правового регулирования, что закреплено в Конституции, Законе о международных договорах, а также иных нормативных правовых актах Республики Беларусь. Данная сторона вопроса требует отдельного изучения.

В-третьих, частноправовые внешнеэкономические отношения активно регулируются специфической категорией источников ("внезаконодательными актами"), происхождение которых лежит вне государственной сферы как в том смысле, что они являются "транснациональными", так и в том смысле, что они разрабатываются без участия законодателя. Место и роль названных источников в системе правового регулирования внешнеэкономических отношений остаются за пределами предмета настоящей статьи.

Итак, прежде всего следует охарактеризовать современное состояние собственно международного, или "наднационального", правового регулирования внешнеэкономических отношений.

Сразу следует оговориться, что само существование "наднационального" регулирования международных отношений не является признанным фактом в науке международного права. Так, например, В. А. Толстик в одной из статей завершает логическую цепь своих рассуждений следующим высказыванием: "...очевидно, что это (речь идет о критериях общеобязательности норм международного права. — О. Т.) *противоречило бы сущности международного права, поскольку вело бы к необходимости признания существования надгосударственного субъекта нормотворчества* (выделено нами. — О. Т.)" [9, 72].

Тем не менее, несмотря на всю условность термина "наднациональное (или "надгосударственное") право", суждение о том, что никакое правовое регулирование в пределах юрисдикции национального государства невозможно без непосредственного участия этого государства, представляется далекой от современной реальности, идеализированной трактовкой существующего *status quo*.

На наш взгляд, международное публичное право на протяжении всей истории своего существования в той или иной степени проявляло свойства "надгосударственности". Однако в последние десятилетия, и особенно в экономической сфере, эти черты стали особенно заметными, что напрямую связано с происходящими в мире революционными экономическими процессами.

Современное мировое хозяйство определяется как *глобальное* по своим масштабам в сравнении с мировым хозяйством середины прошлого века, расколотым на мировое капиталистическое, мировое социалистическое хозяйство и развивающиеся (в том числе так называемые "новые индустриальные") страны. После распада Союза ССР и преобразований в странах Восточной Европы мировая экономика устойчиво приобрела черты целостного, единого образования, которое, не являясь однородным, включает в себя национальные экономики промышленно развитых стран, развивающихся стран и стран с экономической системой переходного типа.

Исследование закономерностей формирования мирохозяйственных связей и перспектив их развития даст специалистам основания для вывода о том, что генеральной тенденцией развития мирового хозяйства является "движение к созданию единого планетарного рынка капитала, товаров и услуг, экономическому сближению и объединению отдельных стран в единый хозяйственный комплекс", что является иным, более высоким уровнем международных экономических отношений [10, 12].

Представляется очевидным, что столь значительные изменения, произошедшие в предмете регулирования — международных отношениях, не могут не повлечь за собой столь же масштабных качественных изменений и в системе международного права. Очевидно, следует предположить, что эти изменения будут направлены в том числе в сторону усиления *универсальной* составляющей международного права, вплоть до формирования надгосударственной правовой системы с гораздо более широкими юрисдикционными возможностями в отношении суверенных национальных государств, чем это имеет место в современном международном праве.

Модель непосредственного "наднационального" правового регулирования экономических процессов "обкатывается" в настоящее время в европейском праве — исторически первой правовой системе, органически сочетающей в себе самостоятельность (суверенитет, насколько можно говорить о нем в таких условиях) национальных государств и весь комплекс признаков скорее *внутренней*, чем международной системы общего европейского права. Аналогов европейскому праву в настоящее время в мире нет, однако объективные потребности экономической интеграции вызывают непрерывные попытки создания интегрированных правовых институтов, регулирующих определенные сферы экономических отношений на уровне географических регионов или экономических интеграционных образований.

Названная тенденция проявляется, например, в развитии института так называемых административно-регламентационных актов международных организа-

ций, непосредственно, без обязательного предварительного одобрения территориальной власти, регулирующих определенные сферы отношений на территориях всех государств, являющихся членами соответствующей международной организации (Всемирной организации здравоохранения, МАГАТЭ, Всемирной торговой организации, Международной организации труда и т. д.). Разумеется, уставы таких организаций предусматривают процедуру для выдвигания возражений государств против названных актов [12]. Однако общая тенденция к расширению сферы действия таких актов и относительно низкое число обращений национальных государств к отменяющим процедурам дают основания для соответствующих выводов.

Безусловно, наибольшее количество "юридического материала", требующего теоретического осмысления и потенциально несущего в себе доктринальные выводы системного характера, предоставляет организация и деятельность триады Всемирная торговая организация — Международный валютный фонд — Всемирный банк. Если исходить из гипотетического существования некоего "надгосударственного субъекта нормотворчества" (или, в терминологии А. А. Игнатова, теневого "мирового правительства" [13]), то функции такого субъекта в экономической сфере исполняют в значительной мере именно эти универсальные международные институты [10, 16], а их акты все в большей степени приобретают черты "наднационального права", призванного регулировать глобальные экономические отношения на общем (универсальном) уровне.

Так, Всемирная торговая организация, объединяющая сегодня порядка 130 государств мира, является законодательной и организационной базой многосторонней торговой системы. Она вырабатывает основные положения, руководствуясь которыми правительства формируют и реализуют свое внутреннее торговое законодательство, а также является той платформой, на которой в ситуациях коллективных споров, переговоров и выяснения взаимных претензий строятся торговые отношения между государствами.

В соответствии с положением о предоставлении режима наибольшего благоприятствования государства, входящие в ВТО, обязаны применять к товарам, производимым в странах, связанных договором по линии ВТО, те же стандарты, что и к товарам любой другой страны. Таким образом, всякая таможенно-тарифная льгота, предоставляемая одной из стран-участниц другой стране-участнице, автоматически, немедленно и безусловно распространяется на все страны — участницы ВТО. Снижение тарифных ставок, на которое пошли 120 государств, участвовавших в Уругвайском раунде переговоров (еще по линии предшественника ВТО — ГАТТ), зафиксировано в национальных правовых актах по тарифным ставкам, которые, кстати, тоже являются частью разработок ВТО. Члены ВТО принимают на себя также целый ряд обязательств, вытекающих из нормативных актов, регулирующих деятельность в сфере услуг. Эти обязательства, как и тарифные ставки, занесены в национальные нормативно-правовые акты. Имеются соглашения ВТО по сельскохозяйственной продукции; по интеллектуальной собственности; по специальному правовому режиму, установленному для развивающихся и наименее развитых стран с целью их адаптации к более жестким требованиям ВТО.

Разветвленная система органов ВТО, а также развитая правовая база и глобальный характер деятельно-

сти указывают на ту весьма значительную роль, которую играет названная организация в международном регулировании экономических процессов.

Неучастие национального государства во Всемирной торговой организации (как это имеет место в отношении Беларуси и — пока — России) совершенно не означает, что происходящие в рамках этих государств экономические процессы находятся вне сферы воздействия ВТО. С другой стороны, для участников этой организации ее правовые акты и в том числе административные предписания становятся тем самым "наднациональным правом", влиять на которое национальный законодатель может в очень незначительной степени, несмотря на все механизмы, формально предоставленные участникам как дань их суверенным качествам.

Элементы "наднациональности" заложены в организации и деятельности Международного валютного фонда, являющегося, по выражению В. М. Шумилова, своеобразным мировым министерством финансов, ядром финансовой системы. До 70-х гг. прошлого столетия в соответствии со статьей IV своего Устава Фонд определял политику государств-членов в области паритета национальных валют, без согласования государств менял курсы валют. Государства — члены Фонда были лишены права самостоятельно вводить валютные ограничения на покупку валют, изменять их паритет, проводить девальвацию без согласия Фонда, должны были по требованию Фонда представлять отчеты о своем финансово-экономическом положении. После внесения в 70-е гг. некоторых изменений в статью IV элементы "наднациональности" в МВФ приобрели более мягкую форму. С отменой золотого паритета повысилась роль государства в определении валютного курса, но все основные экономические и правовые вопросы функционирования системы СДР по-прежнему находятся в компетенции МВФ [14, 89].

Республика Беларусь присоединилась к МВФ после распада СССР в составе 38 государств, в числе которых были также Россия и другие республики бывшего Союза. Однако возможности непосредственно участвовать в управлении Фондом у Беларуси нет. Большинство вопросов организации и управления в МВФ зависят от величины квоты в уставном (подписном) капитале Фонда. Так, Российская Федерация в момент присоединения к МВФ по величине квоты (3,9 млрд дол., или 2876 млн СДР) оказалась в нем на 9-м месте, получив возможность назначать своего директора в исполнительный директорат [10, 237].

Несомненным атрибутом "наднационального" регулирования являются общепризнанные принципы и нормы международного права, приоритет которых перед национальным правом устанавливается, с некоторыми вариациями, законодательством большинства современных государств.

Так, статья 15 Конституции Российской Федерации утверждает общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации в качестве составной части правовой системы страны. Статья 8 Конституции Республики Беларусь устанавливает, что наша страна "признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства". Между тем ни в России, ни в Беларуси однозначной трактовки понятий "общепризнанные принципы и нормы международного права" законодательство, доктрина и практика пока не предлагают.

Не рассматривая подробно все научные подходы к решению названной проблемы, сузим вопрос и поставим его в контексте предмета исследования так: каковы общепризнанные принципы международного права в сфере экономических отношений? Или, иными словами, какие именно принципы международного права в названной сфере обладают приоритетом над национальным правом в силу положений статьи 8 Конституции и статьи 6 ГК Республики Беларусь?

По мнению российских правоведов, "общие принципы права не представляют собой какого-то особого источника международного права" [15, 9]; имеют своим источником в равной степени договоры и обычаи [16, 7]; "содержатся в Уставе ООН, декларациях и резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН, заявлениях других универсальных международных организаций по общим вопросам международного правопорядка, решениях Международного суда" [17, 23].

Г. А. Василевич также подчеркивает, что "общепризнанные принципы не сформулированы в едином международном акте. Некоторые из них названы в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций от 24 октября 1970 г., другие — в Хельсинкском заключительном акте и иных международных договорах и обычаях" [18, 4].

Таким образом, круг источников, формально фиксирующих общепризнанные принципы международного права (оставляем в стороне вопрос об общепризнанных нормах международного права в силу того, что Конституция и ГК Республики Беларусь указания на них не содержат), в науке международного права не определен. Еще меньшая определенность наблюдается в том, что касается принципов международного экономического права.

Большинство авторов склоняется к признанию в качестве таковых, во-первых, всей системы общепризнанных принципов международного права [11, 20]. Во-вторых, сюда относят принятые ЮНКТАД в 1964 г. Принципы международных торговых отношений и торговой политики, способствующие развитию, а также положения документов Генеральной Ассамблеи ООН 1974 г. об установлении Нового международного экономического порядка [19, 34—37]. Причем, как подчеркивается в литературе, именно эти международные документы послужили "своего рода толчком к выделению" международного экономического права как отрасли [7, 135].

Вместе с тем названные акты в отличие от, например, Устава ООН имеют декларативный характер и в силу этого не имеют обязательной силы. Нормы этих актов относятся к так называемому "мягкому праву" [20, 102—104] и устанавливают не конкретные права и обязанности, а общие направления взаимодействия субъектов. Поэтому представляется сомнительной правомерность рассмотрения этих норм как общепризнанных принципов международного права и их способность иметь приоритет перед внутренними нормами права в смысле статьи 8 Конституции и статьи 6 ГК Республики Беларусь. Кроме того, в силу применения в тексте выражений типа "содействовать", "добиваться", "стремиться", "учитывать" — возможность практического применения названных норм судом крайне невысока.

Некоторые авторы выводят принципы международного экономического права из текстов обязательных нор-

мативных источников (Устава ООН, действующих международных договоров и т.п.) логическим путем. Так, Г. М. Вельяминов полагает, что "наряду с... основными принципами международного публичного права в МЭП (международном экономическом праве. — О. Т.) применяются и специальные принципы права, обуславливающие, в частности, использование определенных торгово-политических режимов между государствами". При этом он подчеркивает, что "в отличие от когентных общепризнанных принципов международного права, возникших в качестве обычно-правовых, а затем закрепленных и в договорном порядке, специальные принципы МЭП носят конвенционный характер, их действительность находится в связи с включением их в каждом случае в соответствующие международные договоры" [11, 21].

В. П. Шатров также излагает "правовую природу и содержание специальных принципов международного экономического права" [21, 15]. Однако в силу того, что оба автора выводят "специальные принципы" из общих принципов действующего международного права логическим путем, списки этих принципов существенно различаются. Так, В. П. Шатров называет принципы: свободы выбора формы организации внешнеэкономических связей; равноправия двух систем собственности; принцип суверенитета государств над своими природными ресурсами и всей экономической деятельностью; экономической недискриминации; справедливого экономического сотрудничества и взаимной выгоды; принцип содействия социальному прогрессу (международной социальной справедливости); развития международных экономических и научно-технических отношений между государствами; принцип международного сотрудничества в целях развития и принцип свободного доступа к морю и от него для стран, не имеющих выхода к морю [21, 15—27]. По Г. М. Вельяминову, в число специальных принципов международного экономического права включаются: принцип недискриминации; принцип (режим) наиболее благоприятствуемой нации; национальный режим; принцип взаимной выгоды и преференциальный режим [11, 21—23].

Помимо того, что названные принципы представляют собой авторские подходы, текстуально в источнике международного права не зафиксированы и поэтому не могут служить формальным правовым основанием в процессе правореализации, оба эти списка безупречны и с теоретической точки зрения. Формулировки принципов, предлагаемых В. П. Шатровым, находятся, скорее, не в правовой плоскости, а в плоскости морально-политического долженствования, как и взятые им, по всей вероятности, за основу положения документов по Новому международному экономическому порядку. Что касается формулировок Г. М. Вельяминова, то каждый из называемых им принципов применим лишь в отдельных областях международных отношений, причем в ряде случаев они являются взаимоисключающими. Так, там, где действует национальный режим, нет места принципу наиболее благоприятствуемой нации; последний исключает действие принципа недискриминации и т. д. Вряд ли все они в совокупности отражают основные начала правового регулирования международных экономических отношений.

Наконец, ни первый, ни второй подход не дают ответа на поставленный нами вопрос о том, какие именно принципы международного права являются общепризнанными в экономической сфере и имеют приори-

тет перед положениями национального белорусского права. А ведь законодатель в соответствии со второй частью формулировки статьи 8 Конституции и статьи 6 ГК Республики Беларусь обязан еще обеспечить соответствие им белорусского законодательства.

Как представляется, без решения этой проблемы белорусская правовая система не может признаваться готовой к участию в международных экономических процессах. Наличие в Конституции, ГК и иных нормативных актах положения о приоритете общепризнанных норм международного права и полное отсутствие указаний по поводу содержания, порядка применения и толкования названных принципов в настоящее время приводят к фактическому отрицанию их регуливающей роли, а в будущем вполне может вызвать противоположную тенденцию — признавать в качестве таковых чуть ли не любые нормативные положения международного права. В российской практике соответствующие примеры уже имеются. В. А. Толстик в своей статье "Общепризнанные принципы и нормы международного права в правовой системе России" называет ссылки в российских федеральных законах на "общепризнанные принципы и нормы в области мелиорации", "общепризнанные принципы и нормы, касающиеся

племенного животноводства", которые едва ли существуют. Автор приводит в пример также неоднократные ссылки Конституционного суда Российской Федерации ("в состав которого входят, — пишет он, — два профессора международного права") на Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Между тем в этом Пакте, в отличие от Международного пакта о гражданских и политических правах, не участвует большое количество государств, "многие из которых прямо заявили, что содержащиеся в Пакте нормы не являются общепризнанными" [9, 75].

Необходимо, таким образом, законодательно определить общепризнанные принципы международного права, имеющие приоритет перед национальным законодательством в силу статьи 8 Конституции, статьи 6 ГК и иных нормативных актов, в том числе и в экономической сфере. Эту задачу, как представляется, с честью мог бы выполнить Конституционный суд Республики Беларусь после предварительного обсуждения широкой научной общественностью.

Таковы, как представляется, основные особенности, проблемы и перспективы международного регулирования внешнеэкономических отношений в Республике Беларусь на современном этапе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богуславский М. М. Международное экономическое право. М.: Международные отношения, 1986.
2. Ашавский Б. М. К вопросу о международном экономическом праве // Советский ежегодник международного права. 1984. М., 1986. С. 29—47.
3. Усенко Е. Т. Международное экономическое право // Международное право. М., 1982. С. 235—278.
4. Броунли Я. Международное право. Т. 1. М.: Прогресс, 1977.
5. Корещий В. М. Международное хозяйственное право: (Ориентация и понятие) // Вестник советской юстиции. 1928. № 2. С. 654—671.
6. Lowenfeld F. International economic law // Amer. J. Intern. Law. 1986. V. 80. N. 3.
7. Международное частное право: современные проблемы. М.: ТЕИС, 1994.
8. Сильченко Н. В. Некоторые проблемы отраслевой структуры права // Государство и право: теория и практика. Калининград, 2002. С. 137—145.
9. Толстик В. А. Общепризнанные принципы и нормы международного права в правовой системе России // Журнал российского права. — 2000. № 8. С. 67—77.
10. Авдокушин Е. Ф. Международные экономические отношения: Учебное пособие. М.: Издательско-книготорговый центр «Маркетинг», 2001.
11. Вельяминов Г. М. Основы международного экономического права. М.: ТЕИС, 1994.
12. Приказчиков А. А. Механизм разрешения споров во Всемирной торговой организации и его влияние на внутреннее право государств // Государство и право. 2001. № 5. С. 83—88.
13. Игнатов А. А. Стратегия «глобализационного лидерства» для России // Независимая газета. 2000. 7 сентября.
14. Шумилов В. М. Международно-правовое регулирование международных экономических отношений // Государство и право. 2000. № 7. С. 79—92.
15. Лукашук И. И. Нормы международного права в правовой системе России. М., 1997.
16. Талалаев А. Н. Соотношение международного и внутрисударственного права в Конституции Российской Федерации // Московский журнал международного права. 1994. № 4. С. 4—9.
17. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / Отв. ред. О. Н. Садиков. М.: НОРМА, 1997.
18. Василевич Г. А. Общепризнанные принципы и нормы международного права — реальная основа деятельности Конституционного Суда Республики Беларусь // Проблемы интеграции правовой системы Республики Беларусь в европейское и мировое правовое пространство / Материалы междунар. науч. конф. / Под ред. Н. В. Сильченко. Гродно: ГрГУ, 2002. С. 3—8.
19. Лисовский В. И. Правовое регулирование международных экономических отношений. М.: Высш. шк., 1984.
20. Лукашук И. И. Международное право. Общая часть. Учебник. М.: Издательство БЕК, 1996.
21. Шатров В. П. Международное экономическое право: Учеб. пособие. М.: Изд-во УДН, 1990.

SUMMARY

"International Economic Law and Issues of Supranational Regulation of Foreign Economic Relations of the Republic of Belarus" (Olga Tolochko)

Foreign economic relations can be regulated both by the national law and international legal norms. However, the problem of distribution of the roles of national and international law, their correlation, interaction and interdependence is still not solved in the theory of law.

Besides, the majority of works on international legal effect on foreign economic processes are devoted to international acts (treaties etc.) adopted with the participation of the given state. The existence of the "supranational" legal regulation itself, i.e. legal regulation external for a sovereign state, is not widely recognized in the international law doctrine.

At the same time the argument that any legal regulation under the national jurisdiction is impossible without the direct participation of the given state is not true. The essentially revolutionary economic integration processes of the beginning of the XXI century cannot but call forth radical changes in their legal regulation. The author believes that one of their manifestations is the appearance and increase of the role of supranational factor in the legal regulation of internal and external economic relations with the participation of sovereign states.